

Улыбка на губах Шэнь Ваньцин не исчезала, хотя сама она этого не замечала, продолжая дразнить Лу Чжися.

Шэнь Ваньцин пригрозила Лу Чжися, что если та осмелится снова прикоснуться к ней, то она замучает её до смерти.

Лу Чжися, привыкшая к уличным разборкам, не боялась угроз и решила поддразнить Шэнь Ваньцин.

В итоге Лу Чжися превратилась в маленького хулигана в глазах Шэнь Ваньцин, но всё же оставалась под её контролем.

Шэнь Ваньцин предложила продолжить обсуждение темы сегодняшнего вечера, и Лу Чжися, заинтересовавшись, была вынуждена называть её «сестрой». Сначала она написала это с напускной гордостью, а затем её попросили отправить голосовое сообщение.

После того как Лу Чжися сдавленным голосом произнесла это, Шэнь Ваньцин передумала и ответила:

— Называй меня королевой.

Эта маленькая проказница оказалась хитрой:

— Королева? Королева, да? Королева, а?

Шэнь Ваньцин с трудом сдерживала смех, а Янь Мэнхуэй, накрывшись одеялом, закрыла уши, только тогда Шэнь Ваньцин осознала, что всё это время смеялась.

[Шэнь Ваньцин]: Позови меня ещё раз, и я тебе расскажу, хорошо?

Её тон был мягким, и Лу Чжися, не сдержавшись, отправила голосовое сообщение, хотя и с шуточной интонацией:

— Ваше Величество Королева, пожалуйста, поведайте своему верному слуге.

На экране появилось сообщение, что собеседник набирает текст, и это продолжалось довольно долго.

Лу Чжися ждала с нетерпением, и через некоторое время пришёл длинный текст.

Лу Чжися прочитала и удивилась:

— Как я сама до этого не додумалась?

Люди обычно делают выводы, основываясь на своих теориях и опыте.

Лу Чжися изначально предположила, что Шэнь Ваньцин спит в шкафу из-за лунатизма.

Ранее Шэнь Ваньцин сама говорила ей, что не страдает лунатизмом, но Лу Чжися всё равно думала, что она просто не осознаёт этого.

Только сегодня вечером Шэнь Ваньцин объяснила:

— Я сама пошла спать в шкаф.

Конечно, у неё не было каких-то особых предпочтений, чтобы не спать на кровати, это было связано с определёнными событиями из её юности.

До встречи с Лу Чжися Шэнь Ваньцин не могла спокойно спать на кровати.

После встречи с Лу Чжися она ненадолго засыпала в её объятиях, но всё равно страдала от кошмаров.

Всё началось с прошлого, когда Шэнь Ваньцин и Янь Мэнхуэй были близкими подругами, и они часто играли вместе.

Одной из их любимых игр была прятки.

В тот день была гроза, и они играли в комнате.

Как раз настала очередь Шэнь Ваньцин прятаться, и она спряталась в шкафу, оставив лишь узкую щель, а Янь Мэнхуэй спрятала голову под одеялом, ожидая, пока та спрячется.

Именно в этот момент случилась беда. Кто-то ворвался через окно и направился к кровати с ножом в руке.

Шэнь Ваньцин, находясь в шкафу, была в ужасе. Человек был крупного телосложения, он зажал рот Янь Мэнхуэй.

В борьбе Янь Мэнхуэй перевернулась, и свет молнии осветил её лицо.

Нож, который держал нападавший, не опустился, он явно замер, словно осознав, что ошибся.

Во время борьбы нож оставил длинный порез на груди Янь Мэнхуэй, и, как говорили, ей наложили более 20 швов.

Рана была глубокой, и на теле Янь Мэнхуэй до сих пор остался уродливый шрам.

Янь Мэнхуэй, любившая красоту, была глубоко потрясена и долгое время находилась в стрессовом состоянии.

Позже кто-то сказал, что нападавший изначально нацеливался на Шэнь Ваньцин, и именно Янь Мэнхуэй спасла её от смерти.

Шэнь Ваньцин не могла избавиться от чувства вины и делала всё возможное, чтобы заботиться о Янь Мэнхуэй.

Однако любовь она действительно не могла ей дать.

Шэнь Ваньцин была честна с собой: даже без Лу Чжися она не смогла бы полюбить Янь Мэнхуэй.

Смотря на Янь Мэнхуэй, она чувствовала лишь глубокую вину, которая заполняла всё её существо.

Её забота о ней давно перестала быть просто дружеской, она превратилась в попытку искупить вину.

Поэтому Шэнь Ваньцин честно рассказала Лу Чжися, почему их отношения такие особенные.

Лу Чжися могла понять это, но не могла согласиться. Она позвонила, и Шэнь Ваньцин ответила, но не произнесла ни слова.

Лу Чжися говорила, а Шэнь Ваньцин слушала.

Она смотрела на ситуацию со стороны, отвлекаясь от того, что ей нравится Шэнь Ваньцин.

Лу Чжися понимала, что за добро нужно платить добром, но, с её точки зрения, их отношения давно изменились.

Сначала это была простая дружба, затем появилась благодарность, и, возможно, именно из-за того, что Шэнь Ваньцин хотела искупить вину, Янь Мэнхуэй стала чрезмерно зависеть от неё.

— Сестра, помнишь Цинь Чжэн? Я думаю, ты тогда была права, зависимость может стать

привычкой. — Лу Чжися сначала тоже считала Янь Мэнхуэй своей соперницей. Они только познакомились, а Янь Мэнхуэй уже наняла людей, чтобы подстеречь её на улице и подрасться. — Я думаю, что чрезмерная зависимость Янь Мэнхуэй от тебя заставляет её самой не понимать, какие чувства она испытывает. Она когда-то действительно обладала тобой, и теперь она не хочет терять это.

На самом деле Шэнь Ваньцин уже думала об этом и пыталась держать дистанцию.

Но у Янь Мэнхуэй всегда находились причины, чтобы снова приблизиться, и Шэнь Ваньцин не могла оставаться равнодушной.

Возможно, чтобы быть ближе к ней, Янь Мэнхуэй тоже занялась экстремальными видами спорта, но в спорте тоже нужен талант.

Шэнь Ваньцин была мастером своего дела, она наслаждалась процессом, а Янь Мэнхуэй страдала, даже сейчас, занимаясь автоспортом, она делала это, чтобы выплеснуть свои эмоции.

— Она делает это с оттенком истерии, и это легко может привести к несчастному случаю, — Лу Чжися осторожно спросила:

— Она снова получила травму из-за этого?

Шэнь Ваньцин кивнула и перечислила все травмы Янь Мэнхуэй.

Каждый раз Шэнь Ваньцин была рядом с ней, и даже сейчас она стояла за пределами палаты Янь Мэнхуэй, разговаривая по телефону.

— Простите за прямоту, — Лу Чжися не стала ходить вокруг да около, — она пытается удержать тебя, причиняя себе вред, и видит, что это работает, поэтому повторяет это снова и снова.

Шэнь Ваньцин никогда не думала об этом, но теперь, когда её осенило, она задумалась, и это действительно имело смысл.

— Как у ребёнка, который знает, что если поплачет, то получит конфету, и потому плачет ради конфеты. — Лу Чжися привела аналогию:

— Как говорится, плачущий ребёнок получает молоко. Почему?

Да, Шэнь Ваньцин опустила глаза, прислонившись к стене, не в силах возразить Лу Чжися.

Ей всего 20 лет, но она уже понимает такие вещи. Шэнь Ваньцин спросила себя, почему она сама никогда об этом не думала?

Лу Чжися продолжала анализировать:

— Сестре это трудно понять, ведь вы изначально были подругами, и ваши отношения были ближе, чем у обычных людей. Переход от дружбы к этой искажённой форме компенсации произошёл незаметно.

Лу Чжися попросила Шэнь Ваньцин вспомнить первый случай, когда Янь Мэнхуэй получила травму:

— Как подруга, сестра тоже навещала и заботилась о ней. Сестра, подумай, это была просто дружба?

Шэнь Ваньцин промолчала, а Лу Чжися продолжила:

— Подумай ещё раз, после того случая, когда ты снова заботилась о ней, было ли это уже с чувством вины и желанием искупить её?

Молчание Шэнь Ваньцин означало, что она согласна с Лу Чжися.

— Сестра заботилась изо всех сил, почти во всём потакая Янь Мэнхуэй. Скажи, — Лу Чжися улыбнулась, — если бы такая замечательная сестра, как ты, так заботилась о ком-то, разве этот человек не полюбил бы тебя? Я бы тоже влюбилась без памяти.

Шэнь Ваньцин с лёгкой улыбкой ответила:

— Ты что, дразнишь меня?

— Ха, — Лу Чжися почувствовала, что Шэнь Ваньцин в подавленном настроении, и решила поднять ей настроение, — сестра, благодарность и компенсация — это не значит во всём потакать. Ты так не поступаешь с семьёй Шэнь, но ради Янь Мэнхуэй ты сломала свою гордость. Как долго это может продолжаться?

Если бы не встретила Лу Чжися, возможно, это продолжалось бы ещё долго.

Но когда в сердце появляется кто-то важный, некоторые вещи уже нельзя делать, а другие хочется делать только с этим человеком.

— Сестра встретила меня, и у Янь Мэнхуэй появилось чувство опасения, поэтому она снова

причиняет себе вред. — Тон Лу Чжися стал серьёзным, — Я дам сестре незрелый совет: ты можешь быть доброй к ней, но нужно установить границы. Она твой благодетель, но ты не её рабыня. Ты свободна, и у тебя есть право выбора.

По словам Лу Чжися, чувство вины и самообвинение Шэнь Ваньцин — это почва, на которой растут негативные эмоции, и они обе всё глубже погружаются в эту пучину.

Шэнь Ваньцин долго молчала, а Лу Чжися тихо позвала:

— Сестра.

Шэнь Ваньцин откликнулась, потёрла виски и с лёгкой гримасой сказала:

— Наверное, я выпила слишком много, сейчас мой мозг не может нормально думать, и я не знаю, что правильно.

— Сестра, насчёт госпитализации Янь Мэнхуэй, хочешь услышать мой конкретный совет?

— Говори.

Можно дать деньги, можно отправить людей, можно навестить, но не нужно всё время находиться там.

<http://bllate.org/book/15534/1381706>